

Үнэхээр ч Юань Шикай дотооддоо Гоминьдан намынхантай тэмцэж, Үндэсний хуралд хүчээ зузаатгах, Засгийн газрыг Ерөнхийлөгчийн мэдэлд авах, гадааддаа АНУ, Англи, Орос, Япон улсаар өөрийн Засгийн газрыг хүлээн зөвшөөрүүлэх, их гүрнүүдийн банкйн консорциумтай гэрээ хийж олон сая фунт стерлингийн зээл авч цэргийн хүчээ зузаатгах бодлого түүний Засгийн газрын тэргүүн зэргийн зорилтууд байв. ДИУ-ын засгийн газрыг АНУ түрүүлж 1913 оны 5 дугаар сард, да-

раа нь Англи, Орос, Япон улс ээлж дараалан албан ёсоор хүлээн зөвшөөрөв. Ийм нөхцөлд Юань Шикай Өвөр Монголын чуулган хошуудад юуны өмнө ДИУ-ын дарангуйллыг ямар ч үнээр хамаагүй зөөлөн хатуу аргыг хослуулан тогтоож авах, үүний зэрэгцээ Богд хаант Монгол улсын Засгийн газартай шууд яриа хэлэлцээ хийх замаар өөрийн талд татаж, «тусгаар тогтнолыг» нь өөрсдөөр нь цуцлуулах бодлого баримталж байсан нь нэгэнт тодорхой байна.

Примечания

¹ Байлдагч. Чин төр мөхөх үед Бээжинд байсан Монгол ван, гүнгүүдийн улс төрийн үйл ажиллагаа. «Чэнжису хан де Ичан», Монгол судлалын цуврал, 4-р дэвтэр, Хөххот, Өвөр Монголын ардын хэвлэлийн хороо (хятад хэлээр), 2009, 141–142-р тал.

² Мөн тэнд, 145–146-р тал.

³ Pu Yi, From Emperor to Citizen: The Autobiography of Aisin-Gioro Pu Yi. Foreign Languages Press, 8th printing, Beijing, 2007, pp. 31–38.

⁴ «Мингуо Нэймэнгуши» (ДИУ-ын үеийн Өвөр Монгол), Хөххот, Өвөр Монголын Их Сургуулийн хэвлэлийн хороо, 2007, 31-р тал.

⁵ Мөн тэнд, 32–33-р тал.

⁶ Мөн тэнд, 34–35-р тал.

⁷ Ц. Батбаяр. Богд хаант Монгол Улс гуравдахь хөршийн эрэлд. УБ., 2011, 36–37-р тал.

⁸ Монголын түүхийн эх сурвалж (1911–1921). Эмхтгэж, хэвлэлд бэлтгэсэн О. Батсайхан. УБ., 2010, 141–144-р тал.

⁹ Мөн тэнд, 145–147-р тал.

¹⁰ Лан Мэйхуа. Монголын тусгаар тогтнолын төлөө 1911 оны хөдөлгөөн: Нэгдсэн Монгол Улс байгуулах эрмэлзэл. УБ., 2011. 118-р тал.

¹¹ Ц. Батбаяр. Богд хаант Монгол Улс гуравдахь хөршийн эрэлд. УБ., 2011, 107-р тал.

¹² Лан Мэйхуа. Монголын тусгаар тогтнолын төлөө 1911 оны хөдөлгөөн: Нэгдсэн Монгол Улс байгуулах эрмэлзэл. УБ., 2011. 118–119-р тал.

¹³ Тачибана Макото. Монголын мартагдсан түүх: Богд хаант Засгийн газар (1911–1921). УБ., 2011. 105-р тал.

¹⁴ Лан Мэйхуа. Монголын тусгаар тогтнолын төлөө 1911 оны хөдөлгөөн: Нэгдсэн Монгол Улс байгуулах эрмэлзэл. УБ., 2011. 123-р тал.

¹⁵ Жан Жунфу. Жунхуа Миньго Вайзюоши (1911–1921). (Дундад Иргэн Улсын гадаад харилцааны түүх) Бээжин, Хуавэн чубаньшэ, 2012. 73-р тал.

А.А. Сизова

ОСОБЕННОСТИ И ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСУЛЬСКОЙ ЮРИСДИКЦИИ РОССИИ В МОНГОЛИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX — НАЧАЛЕ XX ВЕКА

Активизация торгово-экономических и социальных контактов России и Монголии во второй половине XIX в. требовала от властей Цинской империи (в первую очередь, маньчжурских и монгольских наместников в главных городах Монголии), а также от российских дипломатических представительств* и пригра-

ничных администраций усилий по организации системы трансграничных взаимодействий на основе принципов и норм, закрепленных в российско-китайских договорах. После объявления Монголией независимости в конце 1911 г., а также в период автономии страны, ее взаимодействия с Россией также стали регламентироваться целым рядом российско-монгольских документов. По мере интенсификации двусторонних контактов, возрастания количества выходцев из России в монгольских городах и хошунах, все большую актуальность приобретали создание оптимального механиз-

* Первое консульство России в Монголии было открыто в г. Урге в 1861 г. В 1906 г. учреждено консульство в Улясутае, в 1911 г. — в западномонгольских городах Кобдо и Шара-Сумэ. В сентябре 1913 г. приступило к работе отдельное консульство в Кобдо. В 1916 г. открыто вице-консульство в Маймачэне.

ма разрешения споров между участниками хозяйственных и межличностных отношений на территории Монголии, а также совершенствование системы консульского судопроизводства в отношении подданных России, преступивших законы собственного государства.

Консульская юрисдикция российских заграничных учреждений в Китае была значительно шире, чем в других странах Востока (Персии, Турции). Однако в силу отсутствия единой системы российских консульских судов, а также документов, адаптировавших судопроизводство российских представительств к условиям Дальнего Востока, судебная функция была одной из самых противоречивых функций консульств во всех регионах Китая. В Монголии ее реализация имела еще и свою региональную специфику¹.

Судопроизводство, гражданское и уголовное, вмененное в обязанность консулам, являлось важной сферой деятельности дореволюционных дипломатических учреждений России в Монголии и регулировалось российско-китайскими договорами, российско-монгольскими соглашениями, Консульским уставом и Уложением о наказаниях (ст. 175, прим. 2). Проект системы консульской юрисдикции в Китае был отражен в служебной инструкции кандидату на должность первого консула в Китае Лоренцу Лангу, прибывшего в Пекин в составе посольства В. Измайлова в 1719 г., однако в тот период России не удалось получить разрешение на открытие в Китае официальных представительств. Вопрос о консульской юрисдикции был отложен до времени учреждения первых консульств в Цинской империи по Кульджинскому договору (1851). Говоря о национальной правовой базе судопроизводственной деятельности загранучреждений России, следует отметить, что существенной слабостью консульского законодательства было отсутствие документов, детально артикулировавших содержание и механизмы судебной деятельности загранпредставительств. Консульский судебный устав, над которым работали лучшие юристы России в конце XIX-начале XX вв., так и не был создан. Консульский устав 1903 г., действовавший до 1917 г.², и вобравший отредактированные положения всех предыдущих уставов (1820, 1858, 1887 и 1893 гг.), даже после синхронизации с российско-китайскими договорами практически не разъяснял специ-

фику деятельности и расширенные полномочия консулов в Китае, тем более в таких специфических его регионах, как Монголия. В документе содержалось указание на то, что в судопроизводстве консульств в отношении российско-подданных по преступлениям, совершенных ими на территории Китая и Кореи, чиновники руководствовались статьями договоров, заключенных с правительствами данных стран (ст. 190 «О российских консулах в Китае и Корее»)³, которые также вошли в Уложение о наказаниях Российской империи.

Международно-правовая база судебной юрисдикции российских дипломатических учреждений начала формироваться в ходе заключения новых российско-китайских договоров во второй половине XIX в., при этом российская дипломатия приложила значительные усилия, чтобы добиться от цинских властей разрешения осуществлять судопроизводство в отношении соотечественников в Китае. Статья 7 Тяньцзиньского договора (1858) определяла порядок консульского суда над российскими подданными в открытых для торговли пунктах⁴. Статья 8 Пекинского договора (1860) разъясняла процедуру сношений консула с местным начальством, обязанности обеих сторон по расследованию преступлений и ведению судебных разбирательств, разрешению торговых споров. Претензии по торговым сделкам должны были разрешаться выборными торговыми старшинами, а консулы и местные власти лишь содействовали примирению, не принимая на себя ответственности по искам. Консульскому лицу, наряду с местной администрацией, вменялась обязанность заверять письменные обязательства сторон при заказах товаров, аренде помещений и пр., а также побуждать стороны к исполнению обязательств. Консул по соглашению с местным начальством, должен был разбирать жалобы и претензии и неторгового характера, а также наказывать виновных по законам своего государства, разыскивать русских беглых на территории Цинской империи и в случае укрывательства их китайцами. При разборе особо тяжких уголовных дел консульство производило следствие и в случае установления вины отправляло подсудимого для отбывания наказания в пределы России. Статьи 11 и 12 определяли порядок «письменных сношений» консула с китайским пограничным начальством и

почтового сообщения двух государств (ст. 11) по всему спектру вопросов, включая разбор споров и претензий*. Петербургский договор (1881), действие которого в 1911 г. было продлено до 20 августа 1921 г.⁶, подтвердил прежние договоренности, в том числе, обязанность китайских властей оказывать всяческое содействие уже существовавшим и новым консульствам, решать двусторонние дела по совместному соглашению (ст. 10, 11)⁷.

Договоренности с властями Монголии, достигнутые в период ее «независимости» (с конца 1911 г. по 1915 г.) и автономии (с 1915 г.), предоставляли возможности для расширения консульской сети России в этой стране и совершенствования системы отправления судебных обязанностей российскими заграничными учреждениями. Статья 16 российско-монгольского соглашения 21 октября (3 ноября) 1912 г. определяла порядок передачи споров, которые не удавалось решить через посредников, в производство постоянных и временных судебных комиссий, обязательными членами которых были российские консулы и представители монгольского правительства. Консул исполнял судебное решение в отношении российских подданных сразу же по вынесению его комиссией⁸. Разъяснения по поводу производства консульского суда по делам с участием российских, китайских и монгольских подданных давались и в Кяхтинском соглашении, подписанном 25 мая 1915 г. (ст. 15, 16)⁹.

До начала XX в. в производстве единственного российского консульства в Урге находилась большой объем жалоб, претензий и дел, в том числе уголовных, возникавших как на густонаселенной границе четырех российских губерний от Томска до Амура, так и внутри российской и монгольской территорий. Также оно выполняло требования судебных следователей по допросам монголов и китайцев в рамках ведения дел в России¹⁰.

В компетенции консулов в Монголии находились все гражданские дела российских под-

данных без ограничений по суммам исков, назначение различных наказаний, в том числе, ареста, а также предварительное следствие по уголовным делам¹¹. Консульства могли передавать подозреваемых в Россию для прокурорского расследования¹², отбывания наказаний в пограничных администрациях, высылать из Монголии административным порядком, а также, при вынесении судебных решений консулом, исполнять их на базе консульства. Для реализации данной задачи при консульстве в Урге имелось специальное тюремное помещение¹³. Решения консулов по уголовным делам, а также в отношении лиц, подрывавших престиж России асоциальными действиями, были довольно жесткими, вплоть до высылки из страны с запретом на въезд¹⁴. В большинстве случаев конфликты между русскими решались в первой инстанции, т. е. в самих консульствах или местных управлениях, частично в административном порядке¹⁵. Второй инстанцией по судебным делам, рассматриваемым консульствами в Китае, являлась дипломатическая миссия в Пекине.

Дела с участием подданных двух государств — России и Китая — разбирались двусторонними комиссиями. В Урге до конца 1911 г., наряду с консулом, в них председательствовал маньчжурский амбань, с 1912 г. — представитель правительства богдо-гэгэна¹⁶. Со времени основания ургинского консульства в 1861 г. неуклонно возрастало количество судебных исков русских предпринимателей против монгольских подрядчиков, в связи с систематическим нарушением порядка доставки чаев. Из-за сваливания чаев в степи монгольскими извозчиками и подмочек грузов российские купцы несли существенные материальные потери. Несмотря на то, что китайские власти не отказывались решать эти дела совместно с консулом, удовлетворить все иски не представлялось возможным¹⁷. С 1895 г. количество исков российских чаоторговцев к монголам за некачественную доставку чая, поступавших в ургинское консульство, уменьшилось, поскольку предприниматели стали страховать грузы в Русско-Китайском банке¹⁸.

В Западной Монголии в разборе смешанных дел участвовали российский консул и цзурган (представитель старших маньчжурских чиновников). Для судопроизводства по мелким делам на место направлялись дра-

* До открытия консульства в Урге переписка российских пограничных властей с властями Монголии — генерал-губернатора Восточной Сибири и градоначальника Кяхты — велась через кяхтинского пограничного комиссара, который передавал документы кяхтинскому царгучею. Ургинские же амбани передавали свои бумаги к российским властям кяхтинскому царгучею, который, соответственно, доставлял их кяхтинскому пограничному комиссару⁵.

гоман консульства и мэрин*. С 1906 г. разбор торговых споров в Улясутае и Кобдо производился консулом и улясутайским цзянцзюнем, менее значимых — представителем консульства с чиновниками маньчжурской канцелярии или цзурганамии**. Решения по делам являлись окончательными, и ответчики рассчитывались с истцами или обменивались документами в зале суда. При рассмотрении исков на крупные суммы консул в Улясутае обращался к улясутайскому цзянцзюню с официальными документами для понуждения ответчиков к расчету²⁰. Наибольшее количество гражданских и уголовных дел в Улясутае и Кобдо имело место с апреля по сентябрь, когда торговцы съезжались в города для заключения сделок. В Алтайском округе, где кочевали китайские киргизы, консулы также прибегали к передаче дел на рассмотрение «международных съездов», где мусульмане по обе стороны границы улаживали споры с помощью норм традиционного права²¹. Судопроизводство по смешанным делам с участием официальных властей в Алтайском округе отсутствовало до 1911 г. из-за саботирования сотрудничества старшим кобдоским амбанем Си Хэном²², но постепенно наладилось после реорганизации управления в 1913–1914 гг. В Урянхайском крае смешанные дела расследовались чиновниками Усинского пограничного округа и урянхайскими властями.

Распространенным явлением в удаленных от Урги районах Центральной (например, в Прикосоголье) и Западной Монголии до появления там консульств был самосуд и произвол цинских чиновников в отношении русских. Несмотря на трактатную неподсудность российских подданных китайским властям, маньчжуры практиковали санкции против них. Например, в декабре 1896 г. ургинский амбань Гуй Бин предъявил претензии торговому дому «П.А. Бадмаев и К^о» о «неправильных действиях» его поверенных в Монголии, минуя консульство, чем нарушил ст. 7 Тяньцзиньского трактата (1858)²³. Такие действия маньчжурских сановников резко пресекались российскими консульствами, как самостоятельно, так

* Мэрин (мэрийн) — чиновник монгольского территориального управления.

** Об обстановке и порядке судопроизводства в канцелярии высшего начальства Улясутая с участием российских (консулов, в 1888 г. секретаря Пекинской миссии Ваховича) и пекинских чиновников¹⁹.

и путем заявления официальных протестов через посланника в Пекине, однако не обо всех подобных инцидентах, происходивших на обширной территории Монголии, им становилось своевременно известно.

Пограничные дела на пространстве от оз. Далай до верховьев р. Амур консульство в Урге разрешало с цикикарским цзянцзюнем, хулунбуирским, хайларским амбанями и солонскими управлениями²⁴. До создания консульства в Улясутае дела по границе от оз. Далай до Кобдо разрешались в штатном порядке на съездах караульных властей и местных жителей и лишь за редким исключением поступали в делопроизводство консульства в Урге и к амбаням²⁵. Примером дела регионального значения, рассматривавшегося в этой инстанции, являлся длительный конфликт на границе Минусинского округа Енисейской губернии и Урянхайского края 1860–1870-х гг., связанный с угоном скота²⁶. Разрешению пограничных недоразумений способствовали поездки консулов на границу.

По мере увеличения объемов торговли с Монголией в конце XIX в., отправление сыскных и судебных обязанностей отнимало у консульства в Урге все больше времени, придавая его работе «канцелярский» характер²⁷. В письме директору Азиатского департамента МИД И.А. Зиновьеву от 28 ноября 1886 г. генеральный консул Я.П. Шишмарев указывал на непосильные объемы переписки с китайскими властями, особенно с улясутайским цзянцзюнем, затягивавшими разрешение спорных вопросов между российскими и китайскими купцами. Проблема загруженности консульств судебной работой существовала и в других регионах Китая, особенно в соседнем Синьцзяне. Так, консул в Кашгаре Н.Ф. Петровский в 1888 г. отмечал, что годовой объем переписки возглавляемого им консульства с различными учреждениями составлял до 1 тыс. единиц в год, а степень «серьезности» дел не уступала таковой в Урге²⁸. До конца 1890-х гг. консульство в Урге успевало разбирать практически все исковые дела²⁹, однако с развитием двусторонней торговли, особенно в Северо-Западной Монголии, штатов и средств консульства в Урге становилось недостаточно. Отсутствие помощников в Западной Монголии консульство в Урге старалось компенсировать командированием в регион своих чиновников³⁰.

Рассмотрение смешанных дел требовало учета культурно-религиозных, экономических и прочих особенностей регионов, представители которых участвовали в судебных разбирательствах. Председательство консула на подобных процессах всегда было чревато ущербом для его престижа среди местного населения. Как отмечали руководители томской экспедиции в Монголию 1910 г. М.И. Боголепов и М.Н. Соболев, повсеместная коррупция маньчжурских чиновников, способных довести участников судебного процесса до полного разорения³¹, и жестокое обращение, допускаемое монгольской правовой системой в отношении подсудимых даже при расследовании гражданских дел (в том числе выбивание показаний пытками)³², в сознании людей автоматически экстраполировалось и на них. Следственные процессы по двусторонним делам в хошунах, как правило, предполагали приезд на место цинских чиновников, которые осуществляли большие поборы как с истцов, так и ответчиков. Доставка арестованных в Ургу, их содержание, оплата стражи обеспечивалась за счет хошунов. Необходимость нести эти значительные расходы вызвала у простых монголов неприязнь и к местному, и к маньчжурскому, и к консульскому судам. В целях нивелирования негативных для «русского имени» последствий, консулы пробовали добиться от амбаней и улясутайского цзянцзюня замены маньчжурских членов комиссий монгольскими, поскольку первые рассматривали суд, в первую очередь, как источник выгоды³³. Однако цинское начальство не находило убедительных причин для такой замены.

В ходе выяснения обстоятельств различных происшествий и подготовки к заседаниям комиссий для маньчжурских и монгольских властей были свойственны затягивание переписки, уход от ответов, которые препятствовали нормальному порядку реализации консульской юрисдикции. Исполнение судебных решений, зачастую, осложнялось и неспособностью маньчжурских властей найти ответчиков, особенно, если в их роли выступали киргизы Кобдоского округа, откочевывавшие в степь³⁴. Русские истцы могли годами ожидать исполнения судебного решения (в первую очередь, по материальным искам). Показательным примером являлось дело о возмещении долоннорскими и байринскими властями 12 тыс. лан серебра купцу Шевцову за сожженную в 1885 г.

в Гоби крупную партию чая (563 ящиков) торгового дома Боткиных³⁵. Решение о взыскании суммы с виновных было вынесено ургинскими амбанями и консулом практически сразу после происшествия, но, несмотря на своевременное раскрытие дела и назначение взыскания амбанями, решение не было исполнено до 1894 г. из-за укрывания ответчиков в хошунах. По причине чрезмерного затягивая дела, генеральный консул Я.П. Шишмарев обратился к посланнику в Пекине для предъявления требований по этому вопросу в Цзунли-ямынь³⁶. Консул убедил посланника, что закрытие дела за невозможностью найти ответчиков может привести к самым опасным для престижа российского представителя в Урге последствиям, даст повод маньчжурскому амбаню, китайским и монгольским властям в Кобдо, Улясутае и на границе впредь не считаться с интересами России³⁷. Приняв принципиальный характер, дело, фактически, было политизировано, и для его разрешения российским дипломатам пришлось обратиться к самому Ли Хунчжану. После долгих переговоров цинское правительство в знак «искреннего почтения» к России было вынуждено пойти на такой экстраординарный шаг, как выплата долга частного лица (через тяньцзиньского таможенного даотая)³⁸. Данный случай весьма показателен с точки зрения демонстрации возможностей российской дипломатии изучаемого периода в сфере защиты отечественных экономических интересов и престижа представляемого государства.

Серьезные затруднения у консульств вызывало расследование тяжких уголовных преступлений, совершенных китайскими подданными в отношении российских. Так как за такие преступления в Китае назначались жесткие меры пресечения, виновники часто скрывались от суда в дальних монгольских селениях. Кроме того, низкая эффективность местных сыскных органов и перманентное противодействие китайских чиновников работе иностранных дипломатов на этом направлении делало практически невозможным проведение следственных экспериментов. В заключениях следственных комиссий, направлявшихся амбанями, нередко была фальсификация данных. Типичной иллюстрацией этого является расследование убийства иркутского мещанина Иннокентия Устюгова в июле 1894 г., умершего от травм на территории Монголии.

В изнурительной переписке чиновники маньчжурского управления в Урге настаивали на заведомо ложной причине смерти (злоупотребление спиртным)³⁹. Расследование преступлений, совершенных российскими подданными по отношению к китайским в пределах обеих империй осуществлялось более оперативно (например, дело об убийстве Гаосай-цуна в Троицкосавске)⁴⁰. Отсутствие в Монголии судебно-медицинской экспертизы требовало привлечения консульствами российских специалистов⁴¹. При невозможности раскрыть дело в течение долгого времени из-за разночтений в показаниях свидетелей, укрытии виновных, дипломаты практиковали созыв международных съездов российских и китайских чиновников для поиска приемлемого решения⁴².

Сотрудники российских загранучреждений пытались совершенствовать процедуры судопроизводства по смешанным делам. В сообщении поверенному в делах в Пекине от 28 декабря 1896 г. консул В.Ф. Люба отмечал необходимость повлиять на ургинского амбана Гуй Бина для привлечения его к рассмотрению исков российских купцов к монголам и китайцам, не находившимся под юрисдикцией амбаней Северной Монголии. К ним относились монголы южных хошунов (Баринского, Кэшиктэнского), суннитские, абагаские, чахарские монголы и ханьцы, также, участвовавшие в транспортировке российских чаев из Калгана в Ургу и отказывавшиеся от показаний при возникновении к ним претензий со стороны хозяев чая⁴³. В.Ф. Люба добивался от Гуй Бина содействия по допросу подозреваемых, по примеру бывших амбаней. Получив отказ, он просил инициировать вынесение Цзунли-ямынем указания, которое бы обязало амбана оказывать помощь при допросах извозчиков из Внутренней Монголии, подрывавшихся перевозить российские грузы и нарушавших условия сделок, устанавливая личности подозреваемых и направлять дела в административные органы регионов, из которых прибыли подрядчики⁴⁴. В то же время, в донесении от 31 января 1897 г. В.Ф. Люба предлагал упростить бюрократически перегруженную процедуру подачи исковых претензий китайских подданных к русским. Предложение было насущным в виду того, что российские суды выдвигали невыполнимые для простых торговцев формальные требова-

ния, консульства же не могли разбирать более сложные дела в административном порядке. Вследствие этого, китайские иски оставались неудовлетворенными, что, в свою очередь, негативно влияло на готовность к сотрудничеству маньчжурских чиновников при рассмотрении российских исков⁴⁵.

Поскольку торговля в Монголии была, преимущественно, долговой, к числу функций консульств в Монголии также относилось взыскание долгов по кредитам, выданным российскими подданными монголам⁴⁶. Хошунный кредит из-за высоких процентов был выгоден русским и китайским фирмам. В то же время порядок возвращения одолженных средств и процентов в Монголии был далек от юридического и, преимущественно, определялся фактическими отношениями кредитора и кредитруемого, а значит, заимодавцам приходилось оказывать давление на должников, просрочивших выплату. Особенно жесткими были условия кредитования у китайских фирм, которые периодически ставили на край разорения даже самые богатые хошуны. Таким образом, процесс возвращения одолженных средств и процентов в Монголии нередко характеризовался произволом кредиторов.

При возникновении долгового спора с русским купцом консул составлял представление монгольским хошунным властям (и далее — маньчжурским) о необходимости удовлетворить требования кредитора и на основании монгольского права о несостоятельности должника взыскать долг с хошуна. Немаловажным фактором успешного разрешения споров по кредитам являлась честность русских купцов. Однако случаев повторного и чрезмерного взыскания долгов с монголов, а также необъяснимых «конверсий» сумм долгов было немало. Взимание процентов по сделкам нередко ставило консулов в затруднительную ситуацию. Русские купцы, официально дававшие беспроцентные ссуды, могли проводить финансовые махинации при просрочке платежа и «конверсиях», самостоятельно увеличивая сумму займа, понижая стоимость монгольского сырья, а также требуя выплаты по завышенному курсу лана серебра. При ненадлежащем же выполнении обязательств (несвоевременной поставке товара русским купцам и т. д.) они могли требовать возмещения недополученной прибыли от последующих продаж монгольского товара,

поэтому первоначальная сумма долга могла возрасти до 100 и 1000 %⁴⁷. В силу спорной юридической силы кредитных сделок, а также незнания русскими монгольского письменного языка, а монголами — русского (в то время как данные о долгах записывались только в кредитную книгу русского купца), долговые дела были крайне сложными.

В процессе рассмотрения долговых претензий консулам приходилось опираться не столько на документы из хошунных управлений, сколько на жизненный опыт, интуицию и принцип справедливости, а также информацию, извлеченную из личных бесед с русскими купцами⁴⁸. Дипломаты не располагали юридическими инструментами для воздействия на соотечественников, требовавших излишние суммы с монгольских ответчиков, так как назначение первоначальной цены товаров и русскими и монголами являлось делом частным. Таким образом, консульские служащие не могли предотвратить ростовщичество русских купцов, но отказ консула поддержать иск нередко был чреват самоуправством, подкупом властей со стороны русских, что еще больше дискредитировало «русское имя»⁴⁹. Единственное, что консульство могло сделать для ограничения ростовщичества, — способствовать достижению истцом и ответчиком соглашения о приемлемой сумме выплаты.

Примером разрешения крупного кредитного дела с помощью консульства было взыскание долга в пользу доверенного Русско-Китайского банка после закрытия его отделения в Улясутае. Деятельность Русско-Китайского банка в Монголии оказалась невыгодной из-за его приверженности европейским нормам работы финансовых учреждений. Активно финансируя монгольских князей, банк стал нести убытки в силу неспособности правителей вернуть ссуды, получив взамен лишь множество долговых документов, в условиях Монголии не имевших ценности. Таким образом, летом 1910 г. консул в Улясутае оказал поддержку доверенному Русско-Китайского банка, закрывшего отделение в этом городе. При реальной стоимости выданных векселей в 20–30 тыс. р. банку удалось взыскать с ответчиков 70 тыс. р.⁵⁰ Фактором неудачи данного банка в Халхе стало документирование сделок русских купцов, не знавших монгольскую письменность, на монгольском языке, что открывало широкое поле

для фальсификации, и как следствие — убытков⁵¹. Для предупреждения спорных ситуаций при заключении крупных международных кредитных сделок консулы сопровождали их документальное засвидетельствование маньчжурскими властями.

Многим представителям академических, предпринимательских и дипломатических кругов участие российских дипломатов во взимании частных долгов виделось ненормальным. Более того, из-за спорности решений по долговым делам и тяжелого уголовного преследования монгольских и китайских должников ставился под угрозу консульский престиж⁵². В связи с этим, дипломатическая миссия в Пекине, по требованию цинского правительства, подняла перед консульствами вопрос о прекращении кредитных сделок в Монголии. Данная мера не была реализована, так как противоречила существовавшему в Монголии экономическим законам.

В декабре 1909 г. генеральный консул Я.П. Шишмарев поддержал требование российских торговцев в Монголии к правительствам России и Китая выработать четкие правила выполнения монголами взятых обязательств и выплаты ими долгов российским подданным с целью облегчить взыскание долгов⁵³. Для обеспечения оснований к разбирательству долговых исков по крупным сделкам, Я.П. Шишмарев предлагал ввести порядок обязательного заключения письменных документов, засвидетельствованных у хошунных властей или словесного предъявления сделки для регистрации в журналах таких управлений, по мелким — словесно предъявлять сделки местным чиновникам. Однако посланник в Пекине И.Я. Коростовец не усмотрел выгод от введения принудительного заключения документов с монголами для самих русских, избегавших письменных сделок из-за стремления скрыть от властей их ростовщические условия⁵⁴. После объявления Монголией независимости в 1911 г. судопроизводственная деятельность российских консульств по долговым делам еще более осложнилась, так как монголы отказывались от уплаты долгов, как русским, так и китайским торговцам⁵⁵.

Проблема несовершенства института консульского суда в Азии и в Монголии в частности широко обсуждалась российскими дипломатами и учеными в конце XIX — начале XX вв.

В первую очередь, специалисты отмечали слишком большой объем судопроизводственной работы, вмененный в обязанности немногочисленному корпусу дипломатов в этом отдаленном малоизученном регионе. Консулы принимали на себя сложнейшую и ответственную роль третейского или единоличного судьи по всем спорным вопросам, возникавшим как между соотечественниками, так и между российскими и китайскими подданными на территории всей обширной страны. Во-вторых, исследователи указывали на отсутствие у консулов особой юридической подготовки для качественного выполнения задач в области судопроизводства. В-третьих, одной из принципиальных проблем консульской юрисдикции в Монголии и других регионах Китая было отсутствие в России консульского судебного устава, непроработанности законодательства и процедур в данной области. Это крайне затрудняло деятельность дипломатов на данном направлении и заставляло в специфических условиях традиционной монгольской среды, где нормы российского законодательства часто оказывались неприменимыми, в большей степени, полагаться на здравый смысл и действовать по ситуации. Таким образом, судебное решение не всегда представлялось оптимальным.

Имевший опыт службы в Синьцзяне в Монголии дипломат Э.Л. Беренс указывал как на недостатки самого Консульского устава, так и на разночтения в его толковании главами Миссии в Пекине, малую самостоятельность консулов, в то время как юрисдикция консулов других европейских держав на Дальнем Востоке была определена довольно точно, что положительно сказывалось на их престиже при отправлении судебных обязанностей⁵⁶. Профессора М.И. Боголепов и М.Н. Соболев уделили значительное внимание проблеме российского консульского суда в Монголии. Для совершенствования судопроизводства они предлагали дипломатам при рассмотрении гражданских дел пользоваться судом присяжных, учредить при консульствах специальные должности юристов, которые будут вершить суд вместо консулов⁵⁷, или сделать консуль-

ский суд коллегиальным, при участии в комиссии членов торгового сообщества⁵⁸. Также исследователи отмечали необходимость создать при МИД специальный орган для подготовки реформы консульских судов и обеспечения надлежащей охраны правопорядка в Монголии и других регионах Дальнего Востока⁵⁹.

Консульский суд в Монголии, в силу непроработанности его правовой базы, недостатка юридической подготовки у чиновников МИД, а также специфики традиционной кочевой среды, где нормы законодательства России не всегда оказывались применимыми, нередко вызывал нарекания купечества. В отличие от европейских консулов на Дальнем Востоке, юрисдикция российских консулов не была четко определена, что служило причиной коллизий с пограничными администрациями Сибири и местными властями Монголии. Несмотря на активную работу российских юристов и дипломатов по преодолению недостатков консульского судопроизводства на Востоке, до первой мировой войны реформа консульских судов не была завершена. Тем не менее, при всем несовершенстве системы консульского суда в Монголии, будучи дополненной инструментами традиционного судопроизводства, она оказалась функциональной и помогла разрешению тысяч дел как с участием лишь подданных России, так и смешанных дел.

Российский консульский суд функционировал в Монголии до последних дней существования императорских заграничных учреждений в Урге и других городах страны (в том числе и некоторое время после издания приказа НКВД от 16 (29) ноября 1917 г. об увольнении чиновников Министерства иностранных дел, отказавшихся от сотрудничества с новой властью). Сам же институт консульской юрисдикции был ликвидирован после первой мировой войны вместе с «капитуляционной» системой отношений европейских государств со странами Востока. Вопросы, ранее относившиеся к компетенции консульских судов по всему миру, с этого времени стали решаться в соответствии с современным принципом суверенного равенства государств.

Примечания

¹ Богоявленский Н.В. Западный Застенный Китай. Его прошлое, настоящее состояние и положение в нем русских подданных. СПб., 1906. С. 402–403.

² Свод законов Российской Империи: в 16 т. и 5 кн. / сост. Н.П. Балканов, С.С. Войт, В.Э. Герценборг. СПб., 1912. Т. 11. Кн. 3. Устав консульский (изд. 1903 г.). С. 1163–1191. (В 1906 г. в Устав внесены дополнения.)

- ³ Полный свод законов Российской Империи (на 1 сентября 1910 г.) / под ред. А.А. Добровольского, Обер-Прокурора Судебных Дел Правительствующего Сената. Кн. 1–2. Т. I–VIII. СПб., 1911. (Устав Консульский). С. 2308.
- ⁴ Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916 / под общ. ред. В.С. Мясникова. М., 2004. С. 64–69.
- ⁵ Там же. С. 70–79.
- ⁶ Единархова Н.Е. Русские в Монголии: основные этапы и формы экономической деятельности (1861–1921 гг.). Иркутск, 2003. С. 81.
- ⁷ Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916. С. 117–124.
- ⁸ Протокол к соглашению между Россией и Внешней Монголией о признании автономии Внешней Монголии. 21 октября (3 ноября) 1912 г. // Русско-китайские договорно-правовые акты. 1689–1916. С. 556.
- ⁹ Там же. С. 422.
- ¹⁰ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 329 об.
- ¹¹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 616. Л. 120; Горяинов С.М. Руководство для консулов. СПб., 1903. С. 475–481.
- ¹² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 65.
- ¹³ Там же. Л. 62.
- ¹⁴ Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция 1910 г. Томск, 1911. С. 406.
- ¹⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 566. Л. 17 об.
- ¹⁶ Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция 1910 г. С. 406.
- ¹⁷ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 10–10 об.
- ¹⁸ Там же. Л. 489.
- ¹⁹ Позднеев А. М. Монголия и монголы. Т. I. СПб., 1896. С. 250–251.
- ²⁰ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 638. Л. 3–3 об.
- ²¹ Обухов В.Г. Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. М., 2007. С. 82–84.
- ²² АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 638. Л. 3 об.-4.
- ²³ Там же. Д. 562. Л. 467.
- ²⁴ Там же. Л. 212.
- ²⁵ Там же. Л. 213 об.
- ²⁶ Единархова Н.Е. Русские в Монголии. С. 120–121.
- ²⁷ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 10–10 об.
- ²⁸ Петровский Н.Ф. Туркестанские письма / отв. ред. В.С. Мясников. М., 2010. С. 212.
- ²⁹ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 313 об.
- ³⁰ Там же. Л. 12–12 об.
- ³¹ Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция 1910 г. С. 408–409.
- ³² Уложение Китайской Палаты внешних сношений / пер. с маньчжур. С.В. Липовцов. М., 1828. Том II. С. 75–175.
- ³³ Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция 1910 г. С. 147–148.
- ³⁴ Архив востоковедов ИВР РАН. Ф. 44. Оп. 1. Д. 139. Л. 14 об.
- ³⁵ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 562. Л. 134–134 об.
- ³⁶ Там же. Л. 212 об.
- ³⁷ Там же. Л. 233–238.
- ³⁸ Там же. Л. 212 об., 233–238, 263–263 об.
- ³⁹ Там же. Л. 275–278.
- ⁴⁰ Там же. Л. 141–142 об.
- ⁴¹ Там же. Л. 279–284.
- ⁴² Там же. Л. 278.
- ⁴³ Там же. Л. 475–476.
- ⁴⁴ Там же. Л. 476 об.
- ⁴⁵ Там же. Л. 489.
- ⁴⁶ Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция 1910 г. С. 401.
- ⁴⁷ Там же. С. 403.
- ⁴⁸ Там же. С. 402.
- ⁴⁹ Там же. С. 404.
- ⁵⁰ Там же. С. 229.
- ⁵¹ Там же. С. 230.
- ⁵² Там же. С. 403.
- ⁵³ АВПРИ. Ф. 143. Оп. 491. Д. 565. Л. 123.
- ⁵⁴ Там же. Л. 126.
- ⁵⁵ Там же. Д. 566. Л. 76.
- ⁵⁶ Цит. по: Боголепов М.И., Соболев М.Н. Очерки русско-монгольской торговли. Экспедиция 1910 г. С. 407.
- ⁵⁷ Там же. С. 439.
- ⁵⁸ Там же. С. 407.
- ⁵⁹ Там же. С. 408.